

МОНТАЖ ИЗ ВОЗДУХА
КОНСТАНТИН СТАРКОВ

Константин Старков

Монтаж из воздуха

<https://litres.ru/74690022>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Город не хотел меня замечать. Он делал это нарочно — так, будто я был не человеком, а опечаткой в его бетонной грамматике».

Виктор приезжает в странный город в поисках легендарного кинотеатра «Без названия», где крутят не фильмы, а все версии реальности сразу. Но город оказывается не фоном и не декорацией — он живой монтажёр: сдвигает дома, вращает площади, подкидывает трамваи, маршрут которых игнорирует гравитацию, и собирает воспоминания героя в рваные, неудобные склейки.

В этом пространстве ясность — признак конца, а смысл прячется в несовпадениях. Через парадоксальные диалоги, сюрреалистичные сцены и «монтаж из воспоминаний» Виктор учится не искать единственно правильную версию себя — а оставаться в кадре, даже если склейка получилась неровной.

«Монтаж из воздуха» — это гонзоартахусный опыт, где реальность рассыпается на кадры, а герой собирает себя заново — без сносок, без пояснений, без оправданий.

Монтаж из воздуха

Первая глава. Город как опечатка

Город не хотел меня замечать. Он делал это нарочно — так, будто я был не человеком, а опечаткой в его бетонной грамматике. Я шёл по переулку, где тени лежали косо, как плохо склеенные кадры из чужого сна, и думал: если сейчас изза угла выйдет кто-то с камерой и скажет «снято», я не удивлюсь. Здесь всё было слишком кинематографичным, чтобы быть правдой. Я приехал сюда не ради сюжета. Сюжет сам находил меня — липкий, нервный, как запах дешёвого растворителя в пустой квартире. Меня звали Виктор, но в этом городе имена не работали. Здесь ты становился тем, что о тебе думали прохожие, тем, что отражалось в витринах, тем, что шептали стены, если прижаться к ним ухом и перестать дышать. Моя цель была простой до абсурда: найти кинотеатр, который показывали в старом репортаже — тот, что работал по ночам и крутил фильмы без названий. Только кадры, только обрывки, только тишина между сценами, в которой можно было услышать, как город дышит. Репортаж был снят лет десять назад, и с тех пор о кинотеатре не было ни слова. Но я верил в эту легенду так же слепо, как верят в приметы те, кто слишком долго живёт на вокзалах. Переулок вывел меня к площади, которая выглядела как декорация, забытая после съёмок апокалипсиса. Посреди неё стоял неработающий фонтан, его чаша была забита

окурками и сухими листьями, а бортики покрывали надписи, которые никто не собирался читать. Я остановился, достал блокнот и записал: «Площадь как пауза в диалоге. Никто не знает, что говорить дальше». Это была моя гонзома-нера фиксировать реальность: не описывать, а ловить её за хвост, пока она не исчезла в собственной метафоре. Ко мне подошёл старик в пальто, которое казалось сшитым из старых афиш. Он не смотрел на меня, а смотрел сквозь, будто я был прозрачным, как стекло, в которое он привык не врезаться. — Ты ищешь «Без названия»? — спросил он, не замедляя шага. — Откуда вы знаете? — я едва успел повернуться. — Здесь все ищут «Без названия». Просто не все в этом признаются. Он ушёл, оставив после себя запах табака и чего-то ещё — может быть, старой плёнки, может быть, разочарования. Я стоял и смотрел ему вслед, чувствуя, как реальность снова сдвигается, как кадр, который не успели вовремя обрезать. Я двинулся дальше, мимо витрин, где манекены застыли в позах, которые невозможно повторить без боли. В одном окне висела вывеска: «Ремонт часов. Время не возвращается». Я усмехнулся. В этом городе время не просто не возвращалось — оно пряталось по углам и наблюдало за тобой, как невидимый режиссёр. Наконец я увидел его. Кино-театр прятался между двумя обшарпанными домами, будто стыдился своего существования. Вывеска была почти стёрта, буквы напоминали следы, оставленные на мокром песке. Дверь была приоткрыта, и из щели тянуло холодом и запа-

хом пыли, который бывает только в местах, где давно не было зрителей. Я вошёл. Внутри было темно, и эта темнота была не просто отсутствием света — она была плотной, почти осязаемой, как ткань, которую кто-то натянул между реальностью и сном. В зале стояли ряды старых кресел, их обивка потрескалась, а спинки были покрыты царапинами, похожими на чьи-то попытки оставить послание. В центре зала, прямо на полу, лежал проектор — старый, тяжёлый, с линзой, которая смотрела на меня, как глаз, забывший, как моргать. И тут я услышал голос. Он звучал не из динамиков, не из проектора, а будто из самой темноты. — Ты пришёл посмотреть фильм или стать его частью? — спросил голос, и в нём не было ни насмешки, ни угрозы — только усталость человека, который слишком долго отвечал на одни и те же вопросы. — Я не знаю, — честно ответил я. — Наверное, я пришёл, чтобы понять, где заканчивается одно и начинается другое. В темноте раздался тихий смешок. — Здесь этого не знают даже мы, — сказал голос. — Но мы можем показать тебе несколько кадров. Может быть, ты сам соберёшь из них историю. Свет вспыхнул неожиданно, резко, как удар по нервам. На экране, который я сначала принял за стену, появились первые кадры: размытые, дрожащие, будто снятые на камеру, которую кто-то держал в трясущихся руках. На них был тот самый переулок, по которому я только что шёл. Я видел себя — маленькую, едва различимую фигуру, которая двигалась по краю кадра, не подозревая, что за ней наблю-

дают. Это было не отражение. Это было предсказание.

Глава вторая. Кадры, которые не монтируются

Свет погас так же внезапно, как и вспыхнул, будто кто-то дёрнул рубильник, устав от собственной смелости. В темноте я услышал не слова — я услышал паузы между ними. Они были густыми, как застывающий клей, и в них шевелилось что-то, похожее на смысл, если долго вглядываться. — Не пытайся понять, — голос из темноты звучал теперь ближе, почти у самого уха, но я не обернулся: боялся, что, если поверну голову, увижу пустоту, которая притворяется человеком. — Здесь не собирают истории, здесь их распускают, как вязаные вещи. Смотри на швы. На экране снова что-то зашевелилось. Это не было похоже на кино. Это было похоже на попытку памяти вспомнить себя: рваные куски, наложенные друг на друга, как слои пыли на старом окне. Я видел переулок, по которому шёл, но теперь он был не один — их было сразу три, наложенных друг на друга: один — в сепии, второй — в кислотнозелёном, третий — чёрнобелый, будто вырезанный из газеты. И в каждом переулке я шёл чуть иначе: в одном — ссутулившись, в другом — почти танцуя, в третьем — будто меня тянули за невидимую верёвку. Это не было монтажом. Это была реальность, которую кто-то пытался отредактировать на лету, и у него не хватало времени. Из темноты донёсся скрип — так звучит кресло, когда на него садится кто-то, кто давно не был среди людей. — Нравится? — спросил голос. — Это наш способ показывать правду. Не

одну версию, а все сразу. — Это сбивает с толку, — признался я. — Значит, работает, — в голосе мелькнула усмешка. — В нашем кинотеатре не бывает ясности. Ясность — это когда всё уже закончилось. А мы здесь про то, что ещё не решило, чем стать. Я сел в одно из кресел — обивка была жёсткой, с колючими нитками, которые цеплялись за одежду, будто не хотели отпускать. На подлокотнике кто-то выцарапал: «Я здесь был, но это не точно». Я улыбнулся. В этом городе даже признания в существовании требовали оговорки. На экране появился новый кадр: крупный план чьих-то рук, перебирающих киноплёнку. Плёнка была поцарапанной, местами обгоревшей, и на каждом кадре мелькала одна и та же деталь — угол вывески, которую я видел на площади. Только теперь она выглядела иначе: буквы складывались не в название, а в случайный набор символов, будто язык, который забыли, но ещё помнили во сне. Руки на экране замерли. Потом одна из них провела по плёнке, как по лицу спящего, и кадр рассыпался на полосы, как сигнал, потерявший связь. — Иногда мы показываем то, что не успели снять, — сказал голос. — Или то, что сняли, но не хотели видеть. В этот момент я понял, что в зале есть кто-то ещё. Не голос, не проекция — живой человек. Он сидел в дальнем ряду, так неподвижно, что казался частью декораций. Когда я взгляделся, он слегка наклонил голову — ровно настолько, чтобы дать понять: он заметил, что я его заметил. Но не больше. Экран погас. В наступившей тишине я услышал, как где-то капает вода —

ритмично, будто отсчитывая кадры. Кап. Пауза. Кап. Пауза. Как монтажная склейка. — Хочешь увидеть что-то своё? — голос теперь звучал откуда-то сбоку, будто его хозяин пересел. — Не чужое кино, а то, что прячется у тебя в голове, когда ты стараешься не думать об этом. Я хотел сказать «нет», но вместо этого кивнул. Потому что в этом городе «нет» звучало как ложь, а ложь здесь быстро становилась правдой, и тогда уже не поймёшь, где ты начал, а где тебя подхватило. Проектор щёлкнул, загудел, и на экране появились не улицы, не вывески, не случайные прохожие. Там был мой старый блокнот — тот самый, что лежал у меня в кармане. Страницы листались сами собой, слишком быстро, чтобы успеть прочитать, но достаточно медленно, чтобы узнать почерк. А потом на одном из кадров мелькнуло слово, которого я точно не писал: «Ожидание». Оно повисло на экране, как вывеска, которую забыли снять после закрытия. — Мы не добавляем слов, — спокойно сказал голос. — Мы просто показываем то, что уже там было, но ты не замечал. Человек в дальнем ряду встал. Он не шёл — он двигался так, будто каждый шаг был частью танца, который никто не учил, но все когда-то видели во сне. Подойдя ближе, он протянул мне катушку плёнки. Она была тёплой, будто её только что держали в руках. — Возьми, — сказал он тихо, почти беззвучно, так, что слова долетали не ушами, а кожей. — Это не фильм. Это способ смотреть. Я взял катушку. Металл был гладким, но на одной стороне кто-то нацарапал стрелку и надпись: «Не

читай, смотри». И тут экран снова вспыхнул — но не фильмом, а белым шумом, таким плотным, что в нём можно было утонуть. В этом шуме мелькали обрывки: тень на стене, поворот ключа, чейто смех, который обрывался на полуслове. Это было не кино. Это был город, который пытался рассказать о себе, но не знал, с чего начать. — Здесь нет начала, — сказал голос, и на этот раз я понял, что голосов стало два, и я не знаю, какой из них настоящий. — Есть только кадры. И ты — один из них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.